

СОЦИОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА

Александр Филиппов*

Прикладная социология пространства

Аннотация. В статье сделана попытка представить основные теоретические принципы социологии пространства, обоснованные автором, в качестве набора проблематизирующих операций и процедур, которые должны позволить исследователю приступить к конкретному изучению пространственных аспектов социальной жизни. Эти операции и процедуры иллюстрируются примерами из проекта, посвященного изучению Манежной площади в Москве и расположенного под ней торгового комплекса «Охотный ряд».

Ключевые слова. Социология пространства, действие, место, локал, кинестезис, взгляд, гетеротопия.

Социология пространства — сравнительно новая и не устоявшаяся социологическая дисциплина. Предметом ее исследования является пространственное устройство социальной жизни. Кажется очевидным, что все социальное как-то расположено в пространстве, но преимущественный исследовательский интерес к этой стороне социальных систем, институтов, событий, процессов, действий и взаимодействий, коммуникаций и т.п. — совсем другое дело, нежели одно лишь признание очевидного факта. Становление социологии происходило таким образом, что она не только не приходила ко все более полному осознанию различных аспектов размещения социального в пространстве, но, напротив, утрачивала многое из того, что было наработано социальной наукой в более ранние эпохи.

Парадоксальным образом такая утрата явилась прямым следствием формирования социологии как самостоятельной науки. Когда изучение социальной жизни только начинали ставить на научную основу в современном смысле слова, ландшафт, климат и тому подобные особенности территорий не только не казались ученым неважными, но часто считались чуть ли не основным фактором, определяющим устройства обществ и государств, экономической и моральной жизни людей. Однако затем социологи пришли к выводу, что в обществе есть свои действующие причины и что эти причины образуют достаточно плотные каузальные ряды, которые надо изучать как таковые, не пытаясь найти ключевые факторы, начала *социальных причин* где-то вне общества, вне социальности — будь то в ландшафте или климате, психологии или даже расовой принадлежности людей. Так определилась тенденция к исключению пространства из сферы социологии, которая господствовала долгое время.

Конечно, всякий раз, когда речь заходила о территориальных особенностях социальной жизни, пространство все равно принималось в расчет. Мало того, оказалось, что само общество так или иначе создает свою пространственную организацию. Сильнее всего это было заметно в соседских общностях разного рода, а также в городе, который был предметом особого социологического интереса, начиная с первых десятилетий прошлого века. Город (и особенно современный город) несопоставимо больше, нежели деревня, вписанная в данный ее жителям окружающий ландшафт, так сказать, производит свое собственное пространство. Близость и удаленность отдельных его районов друг от друга, устройство коммуникации между ними, плотность расселения людей, удаленность их жилищ друг от друга, от мест работы и мест рекреации, темп и ритм дорожного движения и многое другое — все это характеристики городского пространства, которые, с одной стороны, произведены в русле социальной жизни, а с другой — определяют ее ход. Социология города была той основной отраслью исследований, где в полной мере сохранялся и развивался интерес к пространству, но все теоретические вопросы в ней слишком жестко привязывались к прикладным. Это обусловило ограниченность теоретических ресурсов, которые она могла привлечь и тем более — самостоятельно развить и предоставить в распоряжение других исследователей.

Единственным социологом, который с самого начала сумел осознать теоретический и прикладной аспекты социологии пространства в их единстве, был Георг Зиммель (1858—1918).

* **Филиппов Александр Фридрихович** — доктор социологических наук, руководитель Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ. al_f_filippov@mail.ru

© Филиппов А., 2009

© Центр фундаментальной социологии, 2009

Именно Зиммелю принадлежит термин «социология пространства»: так называлась его статья, вышедшая в свет в 1903 г. В этой и последующих работах Зиммель дал наброски целого проекта социологии пространства, причем не только в теоретическом, но и в прикладном аспектах. Однако его проект остался не реализованным и не получил должной оценки и продолжения. Отчасти это было связано с особенностями научного стиля Зиммеля, склонного иллюстрировать свои теоретические экспликации множеством тщательно продуманных, но не приведенных в систематическую форму наблюдений. Отчасти — с принципиальным изменением философской позиции Зиммеля, который в ходе идейной эволюции ушел от неокантианской методологии, составлявшей важную часть его аргументации в «Социологии пространства». Получилось так, что проект социологии пространства оказался связан именно с кантианством, причем связан с ним намного сильнее, чем, например, социология Макса Вебера. Так что если мы лишим рассуждения Зиммеля о пространстве кантианского пафоса («пространство — это не более чем форма созерцания, способ синтеза данных ощущения»), самый способ *проблематизации* пространства в социологии («если пространство — это форма, то действительной, каузальной силы оно не имеет — и что тогда?») окажется под сомнением.

Совсем по-другому рассуждали в 1920-е годы представители влиятельной *Чикагской школы*. Американские ученые в числе немногих в полной мере отдавали себе отчет в значении новаторских работ Зиммеля, но их интересовали не философские спекуляции, а реальные обстоятельства реальной жизни людей, прежде всего в больших городах. Они не были связаны с неокантианской методологией и решали теоретические вопросы не отдельно от прикладных, а в единстве с ними и, некоторым образом, вслед за ними, дорабатывая те ресурсы, которых не хватало, чтобы разрешить обнаружившиеся проблемы. Чикагские социологи создали мощное и влиятельное направление в социологии города, но их проект оказался в целом более локальным, ограниченным временем и местом, чем это могло бы быть при более фундаментальной разработке теоретических вопросов. Общее понижение интереса к пространству совпало с новым теоретическим подъемом в социологии. Несколько десятилетий теоретическая мысль не обращалась к проблематике пространства, а те, кто занимался им, не вносили сколько-нибудь заметного вклада в социологическую теорию. К концу 60-х — началу 70-х годов, когда с новым поворотом к пространству социологи уже могли констатировать, что оно является «пренебрегаемой» и «забытой» темой.

Новый интерес к пространству, или, как стали говорить, территориальности, не привел, однако, к формированию нового социологического мейнстрима. Возможно, одна из причин заключалась в том, что одновременно (примерно с середины 70-х) в социологии появилось то, что иногда называют «ренессансом классики». Новое интенсивное чтение классиков, для которых пространство было едва значимой темой, пришлось на время нового интереса к пространству. Не очень благоприятным было для социологии и явление, которое назвали «глобализацией». В конце 80-х — начале 90-х годов глобализация чаще всего рассматривалась как установление нового единства мира. Пространственно разделенные, территориально специфичные явления заслуживали куда меньшего внимания. Конечно, постепенно многое изменилось. Ренессансы классиков почти исчерпали себя, в глобальном стали не только распознавать, но все больше и больше замечать региональное, локальное. Интерес к территориальным, региональным, местным особенностям социальной жизни оказался всеобщим интересом социальных и гуманитарных наук. Не стала исключением и социология, но вклад социологов менее заметен на фоне вклада социальных географов, философов, исследователей культуры и т.п. Исследования социального значения пространства не являются и теперь уже точно не будут исключительным занятием социологов.

Тем не менее, несмотря на сравнительно скромное положение социологии, она тоже достаточно сильно продвинулась в деле освоения проблематики. Социологи попытались хотя бы отчасти переосмыслить классическое наследие, создать свой понятийный аппарат, определить преимущественные объекты исследования и способы их описания. Формирование социологии пространства в разных странах происходило по-разному. Очень много времени и усилий было затрачено на то, чтобы доказать необходимость обращения к пространству, и гораздо меньше — на то, чтобы сделать теоретические рассуждения достаточно операциональными или, по меньшей мере, поддающимися операционализации. Нынешний этап формирования дисциплины отличается повышенным вниманием к прикладным исследованиям.

Одно из таких исследований проведено сотрудниками Центра фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ в 2007—2008 гг. Исследованию предшествовала длительная теоретическая работа, а его результат оказался весьма существенным сразу в нескольких аспектах — как сугубо практическом, так и теоретическом и методическом. Социология пространства, до тех пор представленная по преимуществу в общем виде, в достаточно абстрактных разработках важнейших концептов, таких как

«место», «локал», «наблюдатель» и т.п., предстала теперь в виде рабочего теоретического инструмента, с которым надо *что-то делать*. Вот это «делание» и является предметом осмысления в данной статье.

Теоретические основания прикладной социологии пространства: основная парадигма и понятие места

Ниже мы разворачиваем ту программу социологии пространства, которая была впервые предложена более десяти лет назад [3] и с тех пор получила развитие прежде всего как теоретический проект, завершившийся выходом двух монографий [1; 2]. Важнейшим теоретическим результатом, полученным в эти годы, стала *Основная парадигма социологии пространства* — схема, построенная на нескольких базовых различениях. Мы воспроизведем эту схему, как она представлена в наших теоретических работах, а затем покажем ее прикладное значение.

А. Обоснование схемы. Интуиции и различения

Мы принимаем как не требующее доказательств, что пространство всегда доступно созерцанию и воображению и в этом смысле не нуждается в определениях. Таким образом, мы различаем чисто логические (логико-математические и т.п.) определения пространства и то, что в принципе доступно наглядному представлению. Мы различаем далее значение пространства в зависимости от перспективы наблюдателя. Мы различаем перспективу наблюдения с точки зрения социолога, не участвующего в наблюдаемых коммуникациях (это теоретическая фикция, но как таковая она значима для наблюдения), и перспективы наблюдения самих участников коммуникации. Мы различаем, наконец, понятие пространства в собственном смысле (пространство тел, имеющих форму и дистанцированных друг от друга, пространство мест, где тела могут быть размещены), понятие пространства в обобщенном смысле (как порядок сосуществования произвольно избираемого многообразия) и понятие пространства в метафорическом смысле (прежде всего социальное пространство как порядок социальных позиций). Сформулируем некоторые из этих различений более подробно.

1. Наблюдатель социальных событий может усмотреть, что тела участников социального взаимодействия неким образом размещены относительно друг друга, причем их *отстояние* друг от друга, *движение* относительно друг друга, их *места* и другие пространственные характеристики значимы для взаимодействия.

1.1. Наблюдатель принимает в расчет не пространство взаимодействия, каким его видит он сам, но значение, какое придают пространству вообще и пространству взаимодействия в частности участники взаимодействия. Он отличает представления о пространстве: свое видение пространства и видение пространства участниками наблюдаемого взаимодействия (социальные представления о пространстве).

1.2. Наблюдатель различает два вида социальных представлений о пространстве: само собой разумеющееся для участников взаимодействия пространство и пространство как смысловую тему, как нечто обсуждаемое, структурирующее коммуникацию.

Наблюдатель различает, таким образом: *a)* свое видение пространства взаимодействия; *b)* самоочевидное для участников взаимодействия значение пространства и *c)* пространство как оно рефлектируется и обсуждается участниками взаимодействия.

2. От объективного размещения тел и способов его тематизации наблюдатель отличает множество социальных определений участников взаимодействия и говорит о социальном пространстве как о *порядке одновременного многообразия, порядке сосуществования вообще*. Это общее понятие пространства может быть затем специфицировано применительно к *социальным позициям*, и порядок их взаиморасположения и взаимопределиния назван *социальным пространством*. Таким образом: *a)* созерцание пространства тел и мест тел обобщается; *b)* общее понятие порядка размещения специфицируется и *c)* одной из таких спецификаций выступает социальное пространство, которое с точки зрения пространства тел и мест тел оказывается *метафорой*, а с точки зрения общего понятия порядка — равноправной, наряду с пространством тел и мест тел, спецификацией.

3. Наблюдатель может рассматривать пространство: *a)* как нечто обозримое, в том числе место данного тела или тел и *b)* как большое пространство, обнимающее непосредственно созерцаемые места. Большое пространство, в свою очередь, может быть охарактеризовано как совокупность или вместилище мест и *c)* как необозримое, в принципе непостижимое для созерцания.

Такое различие (пространство как место/пространство как место мест/пространство как понятие или идея) должно быть проведено в рамках каждого из названных выше различий, однако и другие различия могут накладываться друг на друга, образуя более сложные классификации¹.

Б. Схема социологии пространства

Первая трихотомия описывала основные интуиции пространства, поскольку наблюдатель социального взаимодействия усматривает пространственное размещение его участников, а последние либо принимают значение пространства как само собой разумеющееся, либо делают его темой коммуникации. Вторая трихотомия относилась к величине пространства, которое может трактоваться либо как определенное место, либо как место, включающее множество мест, либо как совокупное пространство, так сказать, «пространство с большой буквы», в котором только и обнаруживаются все возможные места.

Если мы теперь наложим друг на друга эти трихотомии, то получим следующий результат, который удобнее всего показать в форме таблицы.

Таблица 1. Концептуальный каркас социологии пространства

	I интуиции пространства наблюдателя	II нерефлектируемое значение пространства для наблюдаемых	III пространство как тема коммуникации наблюдаемых
A место	A_I место наблюдателя	A_{II} «чувство места» участников взаимодействия	A_{III} тематизация места как предмета борьбы и договора, области проживания и деятельности
B место мест	B_I место мест наблюдателя	B_{II} практическая схема пространства участников взаимодействия	B_{III} тематизация территории по образцу тематизации места, внятное обговаривание территории
C объемлющее пространство	C_I идея пространства наблюдателя	C_{II} общая идея пространства участников взаимодействия	C_{III} геометрия, физика, философия, космология, теоретическая география и геополитика

Рассмотрим полученные результаты. Узловые пункты, заслуживающие особого внимания, располагаются по диагонали: **A_I** — **B_{II}** — **C_{III}**. Именно на них держится основная аргументация, именно здесь сосредоточены наиболее сложные проблемы, именно отсюда следует дальше вести рассуждение. Что же касается остальных позиций таблицы, то они так или иначе будут включаться в рассмотрение, по мере того как будет развиваться анализ «основной диагонали». Исследуя «основную диагональ», мы реконструируем всю таблицу. Трихотомия «основной диагонали» — первое производное наших элементарных интуиций. Ее позиции в некотором роде более очевидны, но менее элементарны, получены в результате комбинации и могут быть снова декомпонированы.

Переформулируем первую позицию главной диагонали следующим образом: *Наблюдатель идентифицирует себя как того, кто занимает место в пространстве и лишь постольку может наблюдать пространство чужого взаимодействия.* Это положение является не только первым в рамках теоретической экспликации социологии пространства. Оно, как мы увидим, является также первым в прикладной социологии пространства, все важные практические правила исследования начинаются с этой простой констатации.

¹ Этой операции можно найти некоторое соответствие, по меньшей мере, в двух образцовых примерах из истории социологии. Во-первых, можно напомнить о схемах позднего Тенниса, наложившего на изначальную дихотомию «Gemeinschaft/Gesellschaft» и дихотомию «товарищество/господство» («Genossenschaft/Herrschaft»), трихотомию «отношения/совокупности/корпорации» («Verhältnisse/Samtschaften/Körperschaften»). Во-вторых, это, конечно, Парсонс с его крестообразными таблицами и знаменитой схемой AGIL, получаемой в результате взаимоналожения двух базисных дихотомий: «внутреннее/внешнее» и «краткосрочное/долгосрочное», и затем воспроизводящейся на всех уровнях образования систем.

Поскольку наблюдение рассматривается как *событие* со своей особенной логической конструкцией, оно определяется как операция, необходимыми членами которой являются наблюдатель и наблюдаемое. Как один из логических членов операции наблюдения наблюдатель, конечно, определяется безотносительно к месту. Понятие места логически не предполагается понятием наблюдения, поскольку последнее означает различие, идентификацию наблюдаемого в отличие от всего остального.

Самоидентификация наблюдателя как пространственной величины непосредственно значит, что он идентифицирует себя как тело-в-пространстве. Идентифицируя наблюдаемое как нечто, занимающее место, наблюдатель отличает место своего тела от места наблюдаемого. Иметь место в таком случае значит для наблюдателя отличать свое место от других мест. Чтобы отличать свое место от других мест, он должен обладать некой практической схемой размещения мест, данных или вообще возможных. Благодаря этой схеме он может сказать: два объекта находятся в том же самом месте (например, два стула в одной комнате). Чтобы отличить это место от другого места, надо различать другие объекты (например, можно сказать, что кроме этих двух стульев в одной комнате есть еще стул в другой комнате). Но он может сказать также: два объекта занимают разные места: (например, в одной комнате есть «место у окна» и есть «место у двери»). Тогда различие именно этих объектов по данному местоположению обнаруживает, какая именно схема включает в себя возможные места (иначе говоря, места в комнате идентифицируются как «места в комнате, а не места в квартире»²).

Резюмируем: *практическая идентификация места всегда соотносительна контексту действия. Практически применяемая схема позволяет действующему в одном случае идентифицировать место как единство, а в другом — как некоторую совокупность мест или часть другого места, воспринимаемого как единства. Схема — это принцип различения единств и множеств мест; она является практической, потому что это не только логический принцип, но и часто не артикулированное правило применения данного принципа к конкретным объектам.*

Конечно, наблюдатель, хотя и не смешивает свое место с наблюдаемым местом взаимодействий, не видит, собственно, своего места в момент наблюдения. Однако он способен переместиться. Он способен с того, нового места, которое он занимает, увидеть то место, которое прежде занимал и которое может занять вновь. Наблюдая чужое место, он знает свое место по опыту наблюдений, связанных с перемещениями. Перемещения суть действия, действия в социальном мире предполагают *взаимодействия*. Идентификация чужих мест связана с идентификацией своего места. Идентификация своего места связана с перемещениями. Перемещения суть действия. Действия означают, что наблюдатель есть социальный действующий, а это означает участие в социальном взаимодействии (в том широком смысле, который придавал этому Зиммель, когда даже одиночество обусловлено взаимодействием). Иначе говоря, наблюдатель есть участник социального взаимодействия — или, наоборот, участник социального взаимодействия есть также и наблюдатель. Мы выходим, таким образом, за пределы первоначально фиксированной позиции: наблюдатель наблюдает взаимодействие — и переходим к иной позиции: взаимодействующий идентифицирует взаимодействие, участником которого он является (в нашей таблице этому соответствуют позиции A_{II} , если речь идет о практическом отношении к пространству, «чувстве места», или A_{III} , если речь идет о тематизации, т.е. обсуждении размещений).

Место наблюдателя может быть определено как «вот это» место, непосредственно занятое его телом в данный момент. С характером места наблюдателя связан характер тех мест, которые он может наблюдать. Тело наблюдателя может сменить непосредственно занимаемое место — простейшее, далее неразложимое в контексте данного наблюдения единство — место₁-тела_x-сейчас_a на место₂-тела_x-сейчас_b. Эта смена места может наблюдаться как действие наблюдателя другим наблюдателем, и перспектива другого наблюдателя может быть усвоена данным наблюдателем как своя перспектива — прошлая или будущая. Место может также рассматриваться более широко: как место в принципе возможных позиций, идентифицируемое как единое место-данного-наблюдателя или как место-возможных-в-данный-период-времени-мест. Может случиться так, что наблюдатель, собственно, не имеет места *статического пребывания*, но имеет определенный маршрут перемещений. Мы видели, что место пребывания может быть представлено как синтез простейших маршрутов. Но синтез может иметь иной характер, когда перемещения важны как таковые, остановки же случайны и несущественны. Место не синтезируется через маршруты, но определяется как место-маршрутов. В свою очередь, другие наблюдатели также могут быть не статичны, но перемещаться. Таким образом, место оказывается не тем смысловым единством, каким оно могло представляться

² Хотя последнее и справедливо, но вне совершенно конкретной практики идентификации мест.

прежде, не усложнением простой, в сущности, идеи о некоторой позиции внутри все того же огромного контейнера, но подвижным местом в подвижной системе взаимодействий и наблюдений подвижных наблюдателей.

Эти теоретические рассуждения составляют, конечно, лишь часть большой программы социологии пространства. Однако уже их достаточно, чтобы прописать некоторые аспекты прикладного социологического исследования, для которого эта теория может быть основной методологической базой.

Еще несколько правил социологического метода

Несколько столетий спустя после того, как Декарт написал «Рассуждение о методе» и «Правила для руководства ума», Э.Дюркгейм обыграл названия его знаменитых сочинений в классическом социологическом труде «Правила социологического метода»³. Менее чем через сто лет после Дюркгейма Э.Гидденс внес вклад в сокровищницу мысли, написав «Новые правила социологического метода» [6]. Возможно, говорить о становлении традиции еще не приходится, но все-таки есть и определенные основания подключиться к процессу и представить некоторые ключевые положения прикладной социологии пространства не в виде тезисов или иных позитивных суждений, но в форме правил, практических рекомендаций для тех, кто всерьез будет относиться к теоретически фундированным исследованиям.

***Правило первое.** Следует критически относиться к принятым локализациям. Официальные и неофициальные локализации имеют одинаковую важность.*

Обычно, приступая к исследованию, социолог не бывает совершенно свободен в выборе его объекта. Даже если он не имеет дела с заказчиком или грантодателем, он обязан обосновать свой проект для тех, кто может его одобрить или отклонить. Это, казалось бы, внешнее логике науки обстоятельство имеет, однако, значительную важность. Вместе с указанием, рекомендацией, просьбой или хотя бы внятно выраженным согласием, касающимися того, *что именно* изучать, социолог получает недвусмысленные указания, касающиеся пространственных координат своего объекта. Он должен знать, где именно находится то, что будет изучено. Конечно, мы вынуждены сразу сделать уточнение. Например, если нам придется выяснять, *где именно* скопления публики по воскресным дням окажутся наибольшими, «где» — это вопрос, на который только предстоит получить ответ. Но координаты нам уже заданы, если искать предстоит в *данном* городе, да еще и, скажем, в центре. Если предстоит проводить исследования профессиональной ориентации студентов провинциальных вузов, конкретное указание на вуз или регион может поначалу отсутствовать, но мы понимаем, каким образом впоследствии будут заданы эти параметры, так что в Москву или Петербург ехать не придется, а посещение Воронежа или Томска не исключается.

Игнорировать эти указания на локализацию объекта социолог не может и не должен. Дело в том, что множество людей вокруг него будет считать предложенные локализации самоочевидными и сообразовывать свое поведение с этой очевидностью. Говоря словами А.Шюца, это входит в запас наличного знания, а знание связано с реальной организацией социальной жизни. Мы прибываем «на место», и это место известно нам и другим потому, что оно особым образом организовано, ограничено, выделено, отделено от прочих мест уже *до нас*, практической деятельностью людей и ее результатами.

Вот в этой-то самоочевидности и кроется большая опасность. Те локализации, координаты, границы, очертания, с которыми нам приходится иметь дело, куда более подвижны, неопределенны, спорны, чем это кажется на первый взгляд. Скопление людей в центре города перестает быть очевидностью, когда мы пытаемся определить, где находится центр и какова плотность скопления. Размещение вуза в провинциальном городе может быть не столь очевидным, когда мы сталкиваемся с провинциальными филиалами столичных вузов или размещением целых институтов, приписанных к столицам, за официальной чертой города. Эти тонкости могут оказаться неважными. Но социология пространства начинается как раз с того, что они выходят на первый план, вся стратегия исследования зависит от правильного ответа на первоначальные вопросы о месте объекта или хотя бы от правильной постановки этих первоначальных вопросов. Зафиксируем здесь самое бесспорное: для социолога, с одной стороны, неприемлемо отождествлять, например, административный район с тем районом, где локализованы объекты его исследований; с другой стороны, для него столь же неприемлемо игнорировать официальное, формальное, общепринятое членение пространства на места, зоны, районы и т.п. Ведь такое членение — вполне реальное основание для одних —

³ В русском переводе слово «правила» исчезло, и смысл названия потерялся.

руководить, а для других — подчиняться. Проиллюстрируем это на небольшом примере. Одним из способов территориального членения может служить разграничение домов в жилом районе между почтовыми отделениями. Допустим, что для целей исследования нам нужно сосредоточить внимание на перемещениях жителей этих домов. Мы сможем легко обнаружить, что территориальная близость не является главным принципом распределения домов в микрорайонах. Кажется очевидным, что отправлять посылки и телеграммы, покупать открытки и подписываться на журналы жители пойдут в ближайшее отделение. Но разве это — основание, чтобы игнорировать официальное членение? Ведь получать пенсии, ценные отправления и т.п. они будут отправляться не туда, где ближе, а туда, куда положено. Таким образом, официальное не исчерпывает собой реального, но в существенной части все-таки есть само реальное, а не просто измышление бюрократического разума. То же самое мы можем сказать, например, о местах перехода улицы. Было бы странно ограничивать наблюдение «официальными» переходами. Не менее странно было вовсе не обращать внимания на то, что происходит на «зехах».

Пример 1. Для исследовательского коллектива, занятого в изучении торгового комплекса «Охотный ряд», с самого начала вопрос стоял иначе, чем он был сформулирован впоследствии, в результате дискуссий и обсуждений. Проблемой — но не темой в узко понятом смысле слова — была Москва как город, границы которого определить очень трудно. Ведь множество процессов, событий, конфигураций социальной жизни в Москве привязаны отнюдь не исключительно к той территории, которая определена административными полномочиями чиновников, правами и обязанностями жителей и т.п. Житель Москвы, ежедневно отправляющийся за покупками в мегаполл за МКАД, житель Московской области, ежедневно отправляющийся в Москву на работу (причем время в пути может быть меньшим, нежели время в пути от дома до работы у того, кто живет в самой Москве), жители других областей России, приезжающие в Москву на несколько дней, недель или лет, отправляющиеся «на родину» и снова возвращающиеся, — все эти люди не локализованы в административной Москве так, как локализованы здания и дороги. Впрочем, очертания «твердых» объектов — это отдельная проблема, о которой мы будем говорить ниже.

Правило второе. *Необходима первоначальная рекогносцировка в состоянии наивной непредвзятости взгляда.* Итак, мы отправляемся туда, где нам предстоит провести наше исследование. Несмотря на то, что мы стремимся соблюдать *правило первое*, мы еще не можем противопоставить или дифференцировать принятые членения пространственных зон, локализации значимых объектов так, чтобы значение и обстоятельства применения каждого из них могли быть исследованы по отдельности. Мы приходим туда, где, как известно, *там-то и там-то* расположено то, что нас интересует. Важно сразу же предусмотреть в наших наблюдениях несколько возможных перспектив. Полагаясь на существующие карты или планы, официальные границы районов и зон, мы совершим ошибку. Но полагаться на некоторое «общее знание», «здоровый смысл» — не менее опасно. Между тем как от официальных планов, так и от «здорового смысла» освободиться очень трудно. Идеальным был бы наблюдатель, до начала исследования вообще не причастный никакому предварительному совместному знанию, получающий это знание только путем самого исследования. Однако это невозможно. Требуется, по возможности, хотя бы на первом этапе воспитать в себе то, что мы называем *наивностью взгляда*. Это взгляд словно бы со стороны, который дается тем легче, чем менее знаком объект будущего исследования. Но малое знакомство с ним — это не самоочевидная предпосылка. Это именно то, что мы пытаемся в себе сконструировать, воспитать. Довести эту наивность до состояния совершенной отчужденности вряд ли возможно. Правило носит совершенно прагматический характер: поступая так, как предписано, мы не добиваемся всего, что хотели, но получаем хотя бы некоторые преимущества по сравнению с тем составом знания, который навязан нам всеми предшествующими типизациями.

Что же означает первоначальная рекогносцировка? Прежде всего она, конечно, — и это требование является ключевым — означает *личное участие*, точнее, *личное присутствие* «на месте». Поскольку в теоретической части нами уже обосновано значение телесного опыта наблюдателя, мы можем не останавливаться на этом дополнительно, но только вычленить некоторые практические следствия из общего положения.

Прежде всего надо исходить из того, что для первоначальной рекогносцировки нет привилегированных мест наблюдения и привилегированных систем релевантности. Если нам *заведомо ясно*, что откуда-то можно лучше всего рассмотреть важные для нас места, это значит, что мы должны *дополнительно и как можно больше* исследовать другие места, казалось бы, ничего не обещающие.

Далее, надо исходить из того, что для первоначальной рекогносцировки нет привилегированного времени. Вообще устойчивость или изменчивость границ места — это особый

вопрос. Каждый, кто пользовался устаревшей картой местности, хорошо знает, что одни дороги могут исчезнуть, а другие — появиться, что здания могут быть снесены и построены, что функциональное значение места может перемениться очень сильно и прибыть в пункт назначения, где на том самом месте и в том самом здании расположено нечто иное, нежели нужное нам, часто значит вообще не оказаться там, где хочешь. Иначе говоря, в одно и то же место желательно прийти даже для предварительной рекогносцировки несколько раз.

Пример 2. Во время исследования «Охотного ряда» мы несколько раз чуть не сделали слишком поспешные выводы. Так, в самом начале разные участники проекта замечали одно и то же примечательное, как нам казалось, обстоятельство: попытки найти достаточно спокойное место для наблюдений внутри комплекса приводили всех к одному и тому же «пяточку», маленькой свободной площадке между лифтом и торговыми лотками на балконе второго этажа. Все остальные места были либо заняты, либо исключали возможность спокойного продолжительного стояния и наблюдения. Однако последующие посещения не подтвердили регулярность такого радикального отсутствия свободных мест. То же самое относится и к территории между комплексом и Александровским садом. Во время первых рекогносцировок мы обнаружили пустое пространство там, где, по идее, должна была кипеть жизнь. Однако через несколько месяцев, уже летом, эти места снова стали оживленными.

Правило третье. Первоначальная рекогносцировка должна включить в себя следующее:

1. Определение твердых, массивных, несомненных в своей материальности границ объекта.
2. Составление примерного плана объекта.
3. Определение перспектив взгляда на объект.

Кратко рассмотрим каждый из этих пунктов:

1. Пространство изучаемых социологами объектов обычно организовано очень сложно и образовано отнюдь не одними только материальными объектами. И все-таки начинать следует именно с них, причем твердость здесь понимается, конечно, не в физическом смысле, а так, как используют английское слово «hard», в смысле непреложности, несомненности. Твердое — это то, что невозможно просто переосмыслить, снабдить каким угодно значением, принять в качестве незначимого. Вопрос, собственно, не состоит в том, чтобы составлять формальные перечни массивных объектов. Например, в исследовании «Охотного ряда» такой перечень не понадобился. Речь идет о том, чтобы тематизировать то, что в практическом отношении к пространству распознается хуже всего. Именно массивное менее всего заметно, оно своей самоочевидностью входит в самый состав пространства, без него — без вот этой стены, лестницы, тумбы, окна — от пространства, каким оно нам известно, ничего бы не осталось. Поэтому мы охотно сосредоточиваемся на том, что *внутри него*, не задумываясь о том, что *снаружи*, не видя того, что массивное формирует важнейшие характеристики пространства.

Пример 3. В ходе первоначальной рекогносцировки в «Охотном ряду» один из участников исследования сделал несколько рабочих фотографий. На некоторых из них — вопреки всем художественным канонам — виднелись части массивных бетонных тумб — опор для рекламных щитов и т.п. Это было очень ценной, хотя на первый взгляд и очевидной демонстрацией того значения, какое имеют в исследуемом пространстве *крупные вещи*. Скамейку могут перенести, столики в кафе переставить по-новому. Но двери, бетонные тумбы, фонарные столбы, стены, лестницы — все это обладает сравнительно большей устойчивостью. Однако не в одной устойчивости дело. Дело прежде всего в том, что массивные вещи радикально детерминируют условия возможности для направлений взгляда. Это станет особенно ясно ниже, когда мы будем говорить о кинестетическом синтезе перспектив в процессе путешествий, но следует подчеркнуть уже сейчас. Бетонные тумбы всего-навсего не давали фотографу возможности занять *любое* удобное положение. В отличие, например, от группы людей, расположившихся на том месте, которое он облюбовал, тумба или стена никуда не денется. Она будет загораживать перспективу, она заставит менять или приспособлять к ней маршрут перемещений.

2. Примерный план объекта может уже быть в наличии. Мы пользуемся картами, схемами, планами городов, районов и тех учреждений, где есть такие планы и схемы. Но это не отменяет составления рабочих планов на месте. Главное достоинство этих планов понятно в связи с тем, что сказано выше: на плане обычным образом происходит огрубление и укрупнение мест; подробности, частности передать почти невозможно. План важен не столько для последующей ориентации, сколько для первичного представления той общей практической схемы пространства, которая складывается у исследователей в процессе первичной рекогносцировки и затем уточняется в ходе исследования.

Пример 4. В «Охотном ряду» мы столкнулись с тем, что планы здания, вывешенные для ориентировки посетителей, имеют мало общего с тем, как на самом деле устроено внутреннее пространство комплекса. Возможно, когда-то они находились в более точном соответствии с реальностью. Однако ко времени исследования они превратились, скорее, в элемент интерьера. Планами оформляют стены, но на них не ориентируются. Конечно, они дают общую информацию о количестве этажей, об основных лестницах и входах-выходах. Но никакой оперативной функцией они не обладают. Для каждого эксперимента наши исследователи составляли отдельные планы мест и маршрутов внутри здания.

3. Определение перспектив взгляда на объект является одной из самых важных и трудных задач. Дело в том, что обычным образом любое место, территория или строение представлены в общем знании некоторым типическим образом. Для известных мест и строений этот типический образ представления может быть назван *опознаваемостью*. Кому незнакомы виды с изображением Большого театра в Москве, Трафальгарской площади в Лондоне, Бранденбургских ворот в Берлине и т.д.? Известны также особого рода тесты или викторины, в ходе которых участникам предлагается опознать что-то широко известное, но сфотографированное в непривычном ракурсе. Нередко случается, что опознать место в таком случае не удается. Однако задача исследователя состоит не в том, чтобы опознать известное место. Место может быть более известным или менее известным. На то, каким его видит большинство людей, может оказывать влияние культурный стандарт изображения данного места или других мест, похожих на данное место. Другим источником господствующей визуализации является практика повседневной ориентации в пространстве, которая складывается также и в отсутствие культурных стандартов изображения. Так, типичным для тех, кто обитает в определенном месте или часто посещает его, является ориентация по некоторым значимым объектам. Например, человеку, незнакомому с местностью, может быть предложено «дойти до церкви, которая хорошо видна отсюда», а от церкви «легко найти дорогу к...» или «уже хорошо видно вокзал (универсам, автостоянку, пустырь, двенадцатиэтажный дом и т.п.)». Такова практика воспроизводства пространства: сначала места производятся, затем, с учетом устойчивых отношений к уже существующим местам, формируется практика придания значения, вычленения релевантных объектов для ориентации на месте.

Пример 5. При первичной рекогносцировке в районе комплекса «Охотный ряд» было обнаружено несколько в высшей степени симптоматических явлений. Прежде всего оказалось, что комплекс *не виден* при позиционировании наблюдателя в большинстве точек окружающего пространства. Само по себе это могло бы и не иметь никакого значения. Как показали обсуждения этой темы с экспертами, невидимость огромного строения, хотя и находящегося преимущественно под землей, но имеющего значительную надземную часть, которая должна обозначать его присутствие в городском ландшафте, служить организации пространства в центре мегаполиса, — эта невидимость может быть интерпретирована просто как провал архитектора⁴. Попутно заметим, что такие же объяснения, будь то в связи с архитектурой или организацией функционирования комплекса, даются экспертами и по поводу внутренней части «Охотного ряда». Однако при всей убедительности конструкции «Плохо спроектированное здание — плохо управляемый торговый центр» это объяснение не является для социологов решающим. Пожалуй, гораздо больше социологических проблем представляло бы хорошо спроектированное строение с явственно различимым авторским замыслом.

Однако вернемся к невидимости «Охотного ряда». В данном случае речь идет не о том, насколько плохо его видно вообще. Речь идет о том, что в большинстве перспектив тех людей, которые передвигаются по центральным улицам вблизи Кремля, здание не видно. О нем только *известно*. К нему приближаются со стороны нескольких центральных улиц, в принципе, зная, что оно где-то там, иногда приближаются достаточно уверенно и надежно. Но его не видят. Собственно, не видят его и впоследствии, даже приблизившись, потому что отдельные фрагменты не могут быть правильно рассмотрены вне фона, местности, среды. Локальные, ограниченные перспективы не позволяют составить общее представление о месте. Оно остается принципиально непознаваемым в сфере рецепции.

Разумеется, этот пример нельзя обобщать. Не каждое здание может быть построено столь неудачно, не для каждого здания трудности усмотрения его очертаний могут быть экстраполированы в общие культурные характеристики. Дело в другом. Массивность, о которой шла речь выше, частично снимается или уступает, во всяком случае, может оказаться не очевидно важной при дальнейшем проведении рекогносцировки. Одно и то же в разных ситуациях оказывается увиденным

⁴ Мы еще раз вернемся к этому вопросу в статье «Пустое и наполненное» в данном номере журнала.

совершенно по-разному. Нет одного правильного взгляда. Нет предпочтений. Нет оценок. Точнее — все это есть, но неприемлемо для правильного социологического описания. Требуется буквально следующее.

Правило четвертое. *Каждая, даже самая удачная перспектива должна рассматриваться как одна из возможных перспектив. Следует умножать перспективы.* Ведь каждая из найденных нами перспектив — не просто выдумка, не просто очередной изыск пытливого ума. Надо исходить из того, что по городу, мимо нашего объекта-места ходят люди, приближаются к нему и от него отдаляются, ищут его, пытаются разобраться, где же это находится. Бывает и так, что их опыт кристаллизовался в устойчивых формах — но прежде он должен был быть живым опытом и кристаллизовался он именно в форме навязанного опыта, а не просто головной конструкции. Меняя перспективы, мы обнаруживаем многообразие пространственного опыта. Перемена перспектив возможна самыми разными способами. Самый доступный из них — путешествие. Кроме путешествия возможности перемены перспектив создает освоение чужого опыта. Карты, планы, фотографии, а также устная и письменная трансляция свидетельств такого опыта позволяют создать значительный ресурс представления мест и регионов.

Правило пятое. *Необходимо путешествовать ради умножения опыта и кинестетического синтеза перспектив.* Собственно, путешествие является центральной категорией, к тому же единственной, для которой не нашлось позиции в основной парадигме социологии пространства. Теоретически это объяснимо: движение — это перемена мест, и если есть место как основная категория, то нет нужды умножать количество мест и тем самым обосновывать возможность движения. Однако движение позволяет ввести в дело ряд дополнительных категорий, о которых в рамках основной парадигмы речь идти не могла. Среди них — «направление» и «скорость». Но применительно к нашим задачам эти категории обладают сравнительно меньшей важностью. Главное — самое перемещение-путешествие, причем не просто как смена мест, но именно как единственно возможный способ воссоздать, реконструировать место в своем опыте.

О значении перемещений в социальной жизни города написано очень много. Горожанин принужден постоянно *путешествовать*, его повседневная жизнь может быть описана именно как рассказ о путешествиях. Об этом говорил Мишель де Серто [4, р. 115-116], и его наблюдения переходят в указания: по городу надо ходить пешком [5]. Почему эта практика повседневности акцентируется в методической рекомендации? Вопрос очень легко перевести в плоскость описания некоторых специфических явлений⁵, однако делать этого не следует. Сначала надо сосредоточиться на том простом обстоятельстве, что без движения нет опыта места как такового.

Каждое место исследуемого объекта — и единичное место, вычленяемое в соответствии со структурой релевантностей, и совокупность мест, и объемлющий места локал-регион (место мест нашего исследования) — опознаются как таковые только в движении. Теоретически это легко объяснимо: чтобы оказаться на месте, мы должны добраться до него, увидеть со стороны, приближаясь или покидая. Чтобы правильно понять, что за место мы занимаем или изучаем, мы должны, так сказать, встроить его в некоторую схему расположения мест, изотопически или гетеротопически организованную, причем встроить не теоретически, но именно практически, отдавая себе отчет о том, как добраться, что рядом, каким образом покинуть это место и оказаться в другом.

Но это — только полдела. Очевидно, что практической схеме пространства («знанию-как», если воспользоваться терминологией Гилберта Райла) сопутствует также некоторое складывающееся представление о пространстве, его образ («знание-что» в той же терминологии). Такой образ не может появиться в силу одного только статического созерцания. Нужны именно перемещения, которые позволяют, всякий раз многообразно меняя перспективы взгляда, синтезировать единство пространства (места или региона-локала). В смысле чисто практическом это означает следующее: любые гипотезы, любые предположения, которые будут положены в основу наблюдений и экспериментов, должны быть связаны с некоторым совокупным представлением о месте. Это представление, как мы уже подчеркивали выше, в значительной, а иногда и решающей степени детерминировано телесным опытом исследователя. Это именно опыт путешествий-перемещений, смены направлений взгляда, перспектив и т.п. Этот опыт важен для исследователя в любом случае; он вдвойне важен тогда, когда сам объект наблюдений представляет собой область, специально зарезервированную для перемещений, область, где остановки и вообще любая статика имеют подчиненное значение по сравнению с движением как таковым. Отношение наблюдаемых людей к

⁵ См., например: «Современный субъект — субъект в движении. Для идеи современности является центральной идея движения, то, что современные общества вызвали к жизни поразительные перемены в природе и опыте движения или путешествия» [8, р. 141].

пространству определяется именно тем, что они движутся, перемещаются, меняют перспективы. Понять это социолог может только в том случае, если и сам он перемещается больше, чем это предполагается, так сказать, естественным образом. Прийти, осмотреться, переместиться на другое место — все это обычные действия, и для того чтобы их совершить, не нужны методические обоснования и указания. Речь идет именно о перемещениях сверх обычного, о том, чтобы делиться опытом перемещений, повторять их, воспроизводя старые маршруты и находя новые. Это является источником невербального знания, которое покажет свою эффективность в концептуализации первоначальных интуиций.

Пример 6. Концепт кинестетического синтеза перспектив был предложен во время обсуждения деталей этнометодологического эксперимента, посвященного фланированию. Любопытным образом, до этого в процессе обсуждений превалировал предложенный В.С.Вахштайном концепт «архитектоники перспектив», в котором нашли отражение результаты обсуждения первых опытов рекогносцировки. Значение этого концепта оказалось более широким. Он позволяет охарактеризовать важные стороны организации пространства внутри комплекса и отчасти вне его. Кинестетический синтез — это характеристика процесса, которую можно приложить практически к любой ситуации человека-в-движении. Архитектоника перспектив — характеристика результата. Различие между ними такое же, как между становлением и ставшим, но поскольку движение не прекращается, можно сказать, что кинестетический синтез вступает в соревновательное отношение с господствующей архитектурой.

Движение движению рознь. Ряд мест и локалов устроены таким образом, что практически не позволяют оставаться в покое. Применительно к «Охотному ряду» нами неоднократно использовался термин «принудительный кинестетический синтез пространства». Это значило, что человек, оказавшийся внутри здания, находит совсем немногие места, где он мог бы оставаться в покое. Не всегда, но большую часть времени людской поток увлекает его. Оставаясь на месте, он становится помехой движению других людей. Отчасти это похоже на движение не только по проезжей части, но и по тротуарам в часы пик, только эти часы составляют основное время работы торговых рядов, вокзалов, станций метро и других оживленных мест большого города. То представление о пространстве, какое можно получить на станции метро поздним вечером или ранним утром, когда возможно статическое созерцание или неторопливое перемещение, ничего не даст нам в смысле понимания «чувства места» тех людей, которые проходят здесь в другое время.

Правило шестое. *Надо тематизировать атмосферу места и договориться о базовых метафорах.* Это правило, возможно, представляет собой наиболее трудно исполнимую рекомендацию. Однако пренебрежение им может привести к самым неудовлетворительным результатам. Дело в том, что в полном смысле слова строгим может быть только наблюдение и описание, эмпирическими референтами которого являются достаточно абстрактные единицы измерения. Так, мы можем говорить о площади или объеме здания в метрах квадратных или кубических, мы можем измерять дистанции в метрах, мы можем в метрах или километрах сравнительно точно оценить протяженность маршрута, а разделив расстояние на время, исчисленное в столь же всеобщих единицах измерения, получить скорость движения. Все это будет точным, но не будет социологическим. Сами по себе точно измеренные расстояния, площади, объемы и скорости не скажут нам ничего. Между тем такие высказывания о пространстве, как: здесь «давящая обстановка», «толчея», «спокойное место» и т.п. — это не просто некое смутное и в научном смысле неудовлетворительное описание. Прежде всего это характеристики *атмосферы* места. Иначе говоря, пространство, как говорил Анри Лефевр, также и *проживается* [7, р. 49]. Его освоение невозможно без продуктивных метафор. Традиционное недоверие ученых к метафорам постепенно изживается, мы нуждаемся только в постоянном методическом контроле их использования. Атмосфера места ощущается всеми, задача исследователей состоит в том, чтобы тематизировать ее, т.е. перевести в план рефлексии, и, таким образом, сделать «молчаливо используемое» или «самоочевидное» пространство темой дискурса, предполагающего контроль высказываний и использование более или менее внятных различий.

Пример 7. Пытаясь определить атмосферу места, участники исследования в «Охотном ряду» часто указывали на то, насколько неудобным является место, насколько мало оно приспособлено для отдыха, размеренного времяпрепровождения, а также для удовлетворения любопытства, будь то любопытство туриста или покупателя. Почти единодушно отмечалось беспредметное движение, носящее отчетливо выраженный беспредметный характер. Несмотря на то, что магазины внутри комплекса не пусты, несмотря на то, что около киосков и лотков с товарами постоянно находятся люди, общее ощущение особой атмосферы этого места — лихорадочное, бесцельное множество перемещений. Вместе с тем следует отметить непродуктивную роль некоторых метафор. Например,

для описания входа в комплекс со стороны гостиницы «Москва» нами неоднократно использовалась метафора «щели» или «лаза». Однако несмотря на то, что этот образ и до сих пор представляется нам весьма удачным, никакой эвристической функции он не имел и никакой роли в исследовании не сыграл. Другим примером может служить метафора «воронки». При наблюдениях пространства между комплексом и Красной площадью, Александровским садом, Историческим музеем мы обратили внимание на то, что внешним образом отличить тех, кто уже «вошел в орбиту» «Охотного ряда», и тех, кто еще не решил, куда продолжит путь, по отдельности совершенно невозможно. Необходимо наблюдать именно за людским потоком. Тогда становятся видны специфические воронки, или «завихрения»⁶, которые позволяют видеть слабую, размытую, но совершенно несомненную границу двух пространств. Несмотря на то, что наглядность этой метафоры была очевидна всем, в дальнейшем оказалось, что в контекст данного исследования работа с ней не вписывается, поскольку с ней невозможно привести в соответствие, в зацепление никакие иные метафоры или концепты. Пожалуй, к относительным неудачам исследования можно отнести то, что нам удалось использовать или доработать ряд частных метафор, в том числе стратегически важное и находящееся в промежуточной зоне между метафорой и концептом понятие фланера, однако выработать единую базовую метафору исследуемого объекта мы не смогли.

Правило седьмое. *Следует изучать структуры релевантности.* Итак, мы отказались от представления о пространстве как о чем-то измеримом привычными мерами длины, площади и объема. Одновременно мы сделали акцент на тематизации проживаемого пространства, его атмосферы. При этом мы уже не подходим к месту изучаемого нами объекта как бы наивно и впервые: у нас за плечами путешествия и расспросы, наблюдения и дискуссии с другими наблюдателями. Мы представляем себе архитеконику перспектив и обогащаем это знание, провоцируя путешествиями дальнейший кинестетический синтез. Но как соотносить это приобретенное на опыте знание, *мудрость тела*, если вспомнить название одной старой книги, и то ощущение атмосферы, то чувство места, которое наиболее адекватным образом выражается только метафорически?

Важнейшим методическим принципом является здесь вычленение структуры релевантности места и региона-локала. Сделать это можно следующим образом. Места неравноценны. Некоторые из них более важны, другие менее важны. Но важность мест, а равно и важность отдельных объектов и узлов событий, совершающихся на местах, не имеет абсолютного характера. Иначе говоря, не бывает мест, одинаково важных для всех наблюдателей. Поэтому исследовательская задача, в соответствии с основной парадигмой социологии пространства, предполагает внятное различие между теми объектами и местами, которые важны для исследователя (или исследовательской группы, в которой установлен консенсус наблюдателей), и теми объектами и местами, которые важны для людей, совершающих действия в этом пространстве. Речь идет не просто о том, что исследователь, например, не собирается совершать покупки или отдыхать в кафе, в отличие от прочих посетителей. Гораздо важнее другое. Релевантность некоторых пунктов может быть в очень малой степени тематизирована наблюдаемыми, так что они, фактически принимая в расчет текстуру пространства, в котором они действуют, внятным образом будут ориентироваться на совершенно иные объекты и места. Это положение само по себе достаточно сложное и нуждается в прояснении.

Пример 8. Рассмотрим простое положение дел, привлечение особое внимание исследователей «Охотного ряда». В торговом комплексе установлены банкоматы, не часто, но все-таки иногда они используются: люди получают деньги. Разумеется, для того, кто пришел получить деньги по карточке, центральным местом в регионе наблюдения являются банкомат и прилегающая к нему территория. Однако рядом стоят другие люди, есть прилавки, двери и витрины магазинов и т.п. Для других людей релевантными будут именно они. Это — поверхностный слой проблемы. Если исследователь наблюдает поведение людей у банкомата, то и для него банкомат будет центральным местом. Однако организация пространства вокруг банкомата гораздо более сложная. Многое из того, на что вынужден так или иначе реагировать каждый человек, может представляться ему случайным обстоятельством, которое ничего в принципе не меняет в устройстве пространства с тем самым банкоматом как центральным местом. Между тем социолог усматривает здесь зону возможных фигураций, каждая из которых будет отличаться от предыдущей особыми характеристиками пространства. Среди них могут быть и постоянные, и переменные. К постоянным относятся, скажем, входные двери, рядом с которыми поставлена рамка-металлодетектор. Собственно, с точки зрения того, кто идет к банкомату, это — случайный фактор, которого могло бы и не быть. С точки зрения

⁶ На это обратил внимание Н.А.Харламов.

наблюдателя, это — массивный функциональный объект, существенно воздействующий на ритмику потоков и общую конфигурацию событий.

Вычленение структуры релевантности носит характер одновременно статического описания и описания динамического опыта. За счет вычленения важных объектов, процессов и прочих поддающихся наблюдению эмпирических референтов, которые *имеют значение*, исследователь получает возможность от разговоров об атмосфере места перейти к прагматическим описаниям.

Таковы основные правила, при помощи которых мы можем начать прикладное исследование пространства. Разумеется, здесь перечислены далеко не все. По меньшей мере, следует упомянуть еще три правила:

Правило восьмое. Следует изучать логику места.

Правило девятое. Следует изучать как изотопические, так и гетеротопические пространства.

Правило десятое. Следует изучать характер апроприации мест и манифестации власти в местах-в-пространстве.

Эти правила, однако, как более конкретные мы выносим за пределы данного изложения и более подробно рассмотрим их в следующей статье.

Литература

1. *Филиппов А.Ф.* Социология пространства. — СПб.: Владимир Даль, 2008.
2. *Филиппов А.Ф.* Теоретические основания социологии пространства. — М: Канон-Пресс-Ц, 2003.
3. *Филиппов А.Ф.* Элементарная социология пространств // Социологический журнал. 1995. №1. С. 45-69.
4. *Certeau M. de.* The Practice of Everyday Life. Berkeley: The University of California Press, 1984. P. 115-116.
5. *Certeau M. de.* Marches dans la ville // L'invention du quotidien. Vol. 1. Arts de faire. Paris: Gallimard, 1990. Chap. 7.
6. *Giddens A.* New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies. London etc.: Hutchinson, 1976.
7. *Lefebvre H.* La Production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974.
8. *Urry J.* Consuming places. London: Routledge, 1990.